



Овчинников Иван Афанасьевич
(1939–2016) – поэт.

Родился на Алтае. Жил в Новосибирске. Учился в Новосибирском педагогическом институте на филологическом факультете. До начала 1990-х годов XX века – неофициальный литератор, яркий представитель андеграундного образа жизни. Поэт Андрей Вознесенский назвал И. Овчинникова «сибирским киником».

Ориентировался на поэтику «Лианозовской школы», а не на образцы советской поэзии. С середины 1980-х гг. участвовал в фольклорном ансамбле Вячеслава Асанова и в фольклорном движении. Знаток и популяризатор сибирской народной песни. Публиковался в журналах «Сибирские огни» и «Новосибирск», альманахе «День поэзии», сборнике «Гнездо поэтов» (1989), антологиях: «Самиздат века» (1997), «Нестолычная литература» (2001), «Русские стихи 1950–2000» (2010), Книги: «Мил-человек» (1991); «Стихи» (2003); «То ли к нам, от нас ли» (2003); «Я помню всех, кого любил». Избранное (2017) и др.

Полустанок

Здесь только станция дрожит.

А так, цветы и очень тихо.

И жарко очень. В поле ржи
златятся сладко буквы – «Льниха».

Подросток-девка босиком
на прокаленном рельсе павой
нарочно медлит пять секунд
и вдаль идёт по тёплым шпалам.

А станционные гудки
щемят, свистя над разнолесьем.

Ответно стадо у реки
даёт своё разноголосье.

Грустя под выкрики гудков
и разревевшейся гармонии,
десятка два призывников
с разбега прыгают в вагоны.
Сейчас отец на костылях
с окошком в ряд заковыляет.
А потому, что был в боях
на Висле, Одере, Дунае.
Сойти б. Живём-то одна.
И, на траве, рубаху скинув,
под песни горько изнывать
от в плечи вьевшихся травинок.

* * *

Стараюсь не думать о том, что придёт
на смену земле, небесам.
Как память о Данте возьмёт и пройдёт,
как тень пробежит по лесам.
Упадок духа весенний.
Сперва наступило тепло.
И вот она, бренность,
тающий снег, как ничто.
Уныние это, а жижа
на стройке, на сапогах –
не жалко. Темнеет позднее.
Как только день прибывает,
уже сожалеешь:
потом убывает.
А так уже по-земному –
ага! – неохота!
Вдруг резко на стройку
со всеми своими стихами,

с рассеянной головой
таскать, выпивать над домами,
над смесью и грунта, и снега,
над речной синевой.

Первые годы в Новосибирске

Если ветер могучий в окошко убийственно
потемневшее, капли с размаху швырнёт,
знаю – туча с Алтая – Катуньская, Бийская
долетела досюда и всё тут согнёт.
В это время там солнце. Под кедрами домики.
Школа. Лес. Синева на горе – вечный снег.
Далеко где-то плач на могильнике тоненький.
Мириады цветов, где меня уже нет.

* * *

Куда ушли армянки молодые?
Куда исчезли в синем, голубом трико?
В зелёный лес, в дома свои другие
под пологом далёких тихих, нежных облаков.
А там на сто, на тысячу километров
синеет море синее, солёная вода.
И нежный облик девушек ушедших
от грустных глаз моих, наверно, навсегда.

* * *

Делается вечер, и темно становится.
И плохо. Горестно глядеть во тьму.
Точно, в это время горе ловится,
если не поедешь ни к кому.
Сам уже слабее тусклой лампочки.
А спокойно в летний вечер, в высь
молчаливые, стремительные ласточки
над тобой скорее пронеслись.